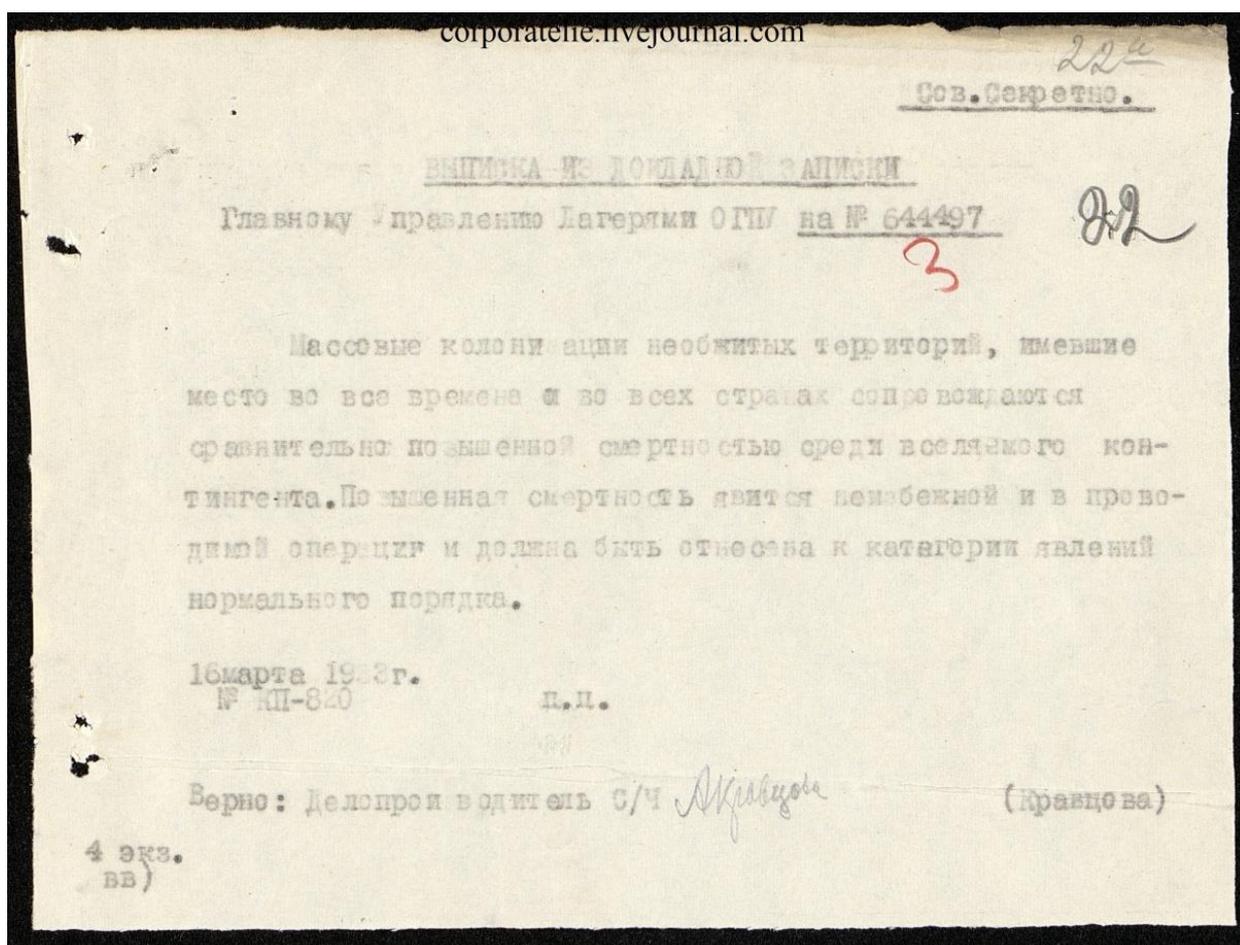

Выписка из докладной записки Сиблага ГУЛАГу ОГПУ о "повышенной смертности" (от марта 1933 г.)

Тема специфичной по целому ряду параметров депортации 1933 г. в ходе чистки городов от так называемого "асоциального" элемента. Наиболее известным (и трагичным) эпизодом этой массовой репрессивной акции является полноценная гуманитарная катастрофа, случившаяся в северной части Западно-Сибирского края на острове Назино на одном из притоков Оби весной 1933 г.

Мне удалось скопировать значительный документальный массив опубликованных (прежде всего д.и.н. С.А. Красильниковым, настоящим первопроходцем сюжета) и неопубликованных документов из Государственного архива Новосибирской области о данных экстремальных даже по меркам советской пенитенциарной системы начала 1930-х событиях. Я уверен, что сканы этих материалов должны быть выложены в общий доступ, поскольку значительная часть документов совершенно неизвестна широкому читателю.

Одной из самых неожиданных находок, обнаруженных мной в заказанных на сканирование материалов назинской трагедии, стал вот этот неопубликованный документ.

Источник: Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-47. (пока не публикую полный шифр).

По всей видимости, это выписка из более объемной докладной записки администрации Сиблага ОГПУ в центральный аппарат ГУЛАГа, ответственной за прием и расселение новых партий депортированных трудпоселенцев в Западной Сибири весной 1933 г, в том числе и на острове Назино.

Чем документ примечателен? Концентрированная выжимка апологетки из дискуссий в историографии и на просторах рунета представляется примерно так: "высшая и средняя администрация лагерной и партийной иерархии ничего не знала о творившихся безобразиях на местах, весь произвол-заслуга отдельных разложившихся низовых работников, которых всегда и везде непременно наказывали, если произвол вскрывался. Спецпереселенцев не выгодно было уничтожать физически, они нужны были как рабсила, поэтому их всегда и везде старались лечить, кормить и сохранять как потенциальную рабочую силу".

Но приведенный документ демонстрирует, что, по крайней мере, часть средней администрации Сиблага утверждала буквально следующее: "Повышенная смертность явится неизбежной и в проводимой операции (весны 1933 г.- прим. мое) и должна быть отнесена к категории явлений нормального порядка."

Это весьма подкупающая откровенность довольно неплохо коррелирует с уже цитировавшимся мной докладом о хозяйственном освоении Нарыма спецпереселенцами 1931-1932 гг. начальника Сиблага ОГПУ И.М. Биксона, где высокопоставленный сотрудник ОГПУ подчеркивал: "Принимая за исходное положение состояние населения спецпереселенцев на 1 сентября, момент, когда операция по вселению была совершенно законченной, оказывается, что за год число спецпереселенцев уменьшилось на 15,3%. В свете задачи колонизации громадной территории Нарыма, проведенной в минимальный промежуток времени, эта величина убыли населения за год не должна считаться особенно большой."

А в Спецсводке № 3 СПО ОГПУ о состоянии кулацкой ссылки от 9 августа 1931 г. говорилось, что "многие из хозяйственников смотрят на спецпереселенцев как на мускульную силу, подлежащую безжалостной эксплуатации. Уверенность некоторых из них в том, что «кулак — бесправный, защищать его некому», привели к ряду безобразных явлений. Многочисленные случаи издевательства, работа сверх меры и т.д. — в некоторых районах области стали рядовым явлением и некоторые хозяйственники открыто заявляли, что их политика преследует физическое уничтожение спецпереселенцев. Отсюда — исключительная эксплуатация спецпереселенцев, поощряемая ответственными руководящими работниками." (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 539. Л. 279—288. Заверенная копия.)

По сути, приведенный выше скан содержит прямое доказательство того, что, вопреки расхожим апологетическим сентенциями о "перегибах на местах", среди партийного и советского руководства, а также в самом ОГПУ не фиксировалось единообразного отношения к судьбе депортированных 1930-1933 гг. Существовало, как минимум, несколько точек зрения, которые менялись в зависимости от очень противоречивой политики Центра и разнообразных местных условий. Одна из этих точек зрения представляется предельно жестокой и антигуманной. Другая, по контрасту, включала в себя более мягкое отношение к высланным, аргументируя его хозяйственно-производственными интересами и сохранением "рабсилы" ради экономической выгоды.

Иначе говоря, сама по себе четкая дефиниция "произвола", "перегиба" и "преступлений" в контексте массовых репрессивных акций 1930-1933 гг. могла иметь чрезвычайно широкое и неопределенное смысловое наполнение, в зависимости от позиции конкретных руководителей, которые отнюдь не всегда были "низовыми" администраторами (традиционными "козлами отпущения" еще со времен статьи Сталина о головокружении от успехов). Как мы видим, даже после этой статьи несколько лет спустя в 1933 г. часть руководящих работников ОГПУ продолжала крайне радикально (назовем это так)

относится к трудпоселенцам. Безусловно, подобное отношение сыграло определенную пагубную роль и в Назинской трагедии, и в других менее известных гуманитарных катастрофах первого этапа существования системы спецпоселков.

Предлагаю также сравнить приведенные цитаты с еще одним документом (из ЦА ФСБ).

Докладная записка руководителя комиссии ОГПУ Н. Демиденко помощнику начальника ОО ОГПУ Н.Г. Николаеву о «безобразиях» в использовании труда спецпереселенцев в Уральской области от 1931 г.

При изучении материалов о ходе вселения, хоз. устройства, хоз. использования и политико-чекистского обслуживания переселенцев Уральской области - обращают на себя внимание следующие моменты:

1) Период [19]30 г. - начала [19]31 г., когда руководство переселенцами сосредоточивалось в руках Хозорганизаций и Комендантского отдела при Обл. Урал. совете, прошел под знаком:

- а) чрезвычайных репрессий (большой фактический материал подбирается),
- б) выматывание физических сил спецпереселенцев (ненормально высокие нормы выработки при весьма низких нормах питания);
- в) систематического роста числа нетрудоспособных, эпидемий и смертности.

2) Многие из хозяйственников (главным образом работники Ураллеса) и частично представители Комендантского Отдела и местной Соввласти на местах, не исключая партийцев, смотрели на переселенцев весьма часто как на мускульную силу, подлежащую безжалостной эксплуатации.

3) Многочисленные случаи издевательств (нередко кончавшиеся убийством, смертью или же самоубийством спецпереселенцев) в некоторых районах Уралобласти стали рядовым явлением.

Ряд хозяйственников на периферии открыто заявляют о том, что их политика преследует цель физического уничтожения спецпереселенцев.

4) Коменданты и хозяйственники, стремившиеся улучшить жизненные условия спецпереселенцев и этим увеличить норму их трудоспособности, столь необходимой Уралобласти[,] весьма часто приравнивались на местах к правым уклонистам.

5) Правление Ураллеса и ряд ответственных членов партии в Свердловске - не могли не знать о безобразиях, творящихся в районах (переброска продуктов[,] предназначенных для спецпереселенцев[,] на местные нужды, самовольное уменьшение нормы, а иногда и прекращение ее выдачи, ненормально высокие задания по линии Ураллеса, приводящие к смертности и т. д., использование труда детей, нетрудоспособных, беременных женщин, больных, инвалидов и т. д. наравне со здоровыми мужчинами, моральные и физические издевательства, избиения, убийства, запутывание отчетности в целях хищения прод. и пром. товаров и т. д.), и смотрели на них сквозь пальцы.

6) Директивы об улучшении положения спецпереселенцев, дававшиеся по линии Комендантского отдела и хозорганизаций, часто оставались бесконтрольными бумажками (усилению безобразий способствовали - отдаленность районов расположения спецпереселенцев от центра области, политически непроверенный, бесправный и слабо контролируемый аппарат поселковых комендантов, находившийся в зависимости от хозяйственников Леспромсов, предрельсоветов и т. д., также недостаточно квалифицированный низовой состав работников районных аппаратов органов ГПУ), часто

безразличное (а в исключительных случаях и покровительственные отношения) к творящимся преступлениям со стороны представителей партии и местной власти и до некоторой степени - слабость репрессивных мер и контроля со стороны органов ГПУ в области (за исключением последнего периода времени).

7) Некоторые письменные и устные распоряжения представителей Областной власти - способствовали укреплению взглядов хозяйственников на спецпереселенцев, как на силу, подлежащую максимальной эксплуатации (во что бы то ни стало).

Привожу выдержку из директивной телеграммы от 25/II-31 г. (№ 190/222)[,] данной Лесопромхозам за подписями Предураллеса т. СОВЕТНИКОВА и Обкома Союза т. ДМИТРИНА:

«...Основе директивы СТАЛИНА, МОЛОТОВА увеличении норм минимум две средние дневные нормы выработки вашему Лесопромхозу устанавливаем кубометрах заготовок... вывозке... для кулаков данные нормы обязательно увеличить 50% тчк...

ПРИМЕЧАНИЕ: На месте пропуска в телеграмме - указаны нормы выработки для различных Лесопромхозов, в зависимости от густоты леса, породы, качества и т. д.

Безусловно, что подобные распоряжения способствовали увеличению ненормальной нагрузки, накладываемой на спецпереселенцев и приводящей к изнашиванию рабочей силы кулачества.

Из числа огромного фактического материала, имеющегося в ПП ОГПУ, привожу пример «рядовых» показаний заведующего Денижского производственного участка Петропавловского Леспромхоза ЮДИНА (члена ВКП(б).

Выдержки из показаний: «Передо мной представители ЛПХ и Ураллеса и районных организаций ставили, пока спецпереселенец не выполнит нормы в 6 1/2 кубометров дров, из леса не пускать».

«Разницы между мужчинами и женщинами в нормах не было».

[«]Я доказывал нереальность этих норм, но Петропавловский ЛПХ мои мотивы во внимание не принимал, ссылаясь на директиву Ураллеса.

При исключительном нажиме на спецпереселенцев первое время работая целый день и ночью при освещении эти нормы выполнялись, а впоследствии обессиленные этих норм выполнить не могли[,] были такие случаи, что, возвращаясь с работы, падали и умирали, я считаю и считал, что эти нормы невыполнимы.

К концу зимы из трудоспособных стало 500 нетрудоспособных (на одном небольшом участке за март месяц умерло 50 человек).

К спецпереселенцам как за симуляцию применялись различные репрессии, приведу такой случай[:] «Зарывали в снег спецпереселенца, он убегал, его снова ловили и зарывали в снег».

О тяжелых условиях спецпереселенцев и присутствующих ненормальностях я сообщал в свое время приезжающим представителям района, в том числе и секретарю Районного Комитета Партии КРАЙНОВУ, которые рассматривали этот факт как оппортунистический уклон в моей линии» 167.

8) В 1931 году ППОГПУ по Уралобласти (в особенности после приезда на Урал тов. РАПОПОРТА) начинает вести с вышеуказанными явлениями плановую борьбу.

9) Передача руководства спецпереселенцами в ведение ГПУ - является решением, гарантирующим упорядочение жизни и хозяйствования спецпереселенцев (в данное время на всей периферии по всей области проводится чистка Комендантского аппарата и хоз. леспромовских аппаратов).

В Июне месяце с. г. тов. РАПОПОРТОМ брошены на места комиссии ГПУ (включающие в свой состав также представителей Милиции и Хозорганизаций), в целях обследования и чистки на месте всех

26-ти районов расположения спецпереселенцев.

Члены Комиссии ОГПУ тов. ЩЕРБИНСКИЙ, ФИЛЬЧЕНКО и ВИШНЕВСКИЙ выехали в составе 3-х групп в наиболее угрожающие районы спецпереселенчества: 1. Чердынь, Соликамск, Кизел, 2. Надеждинск и 3. Тобольск, Уват, Самарово, Сургут.

Члены Комиссии ОГПУ свяжутся на местах с комиссиями ППОГПУ по Уралу, используют их данные и в двух-трех-недельный срок проведут обследовательскую работу, согласно прилагаемой инструкции¹⁶⁸.

Лично я - детально изучу и обобщу материалы по спецпереселенцам, в первую очередь данные, требующие немедленного принятия соответствующих мер, проведу обследование вновь прибывающих эшелонов из числа 55 тысяч семей и обследование кулачества, используемого по линии промышленности (в частности на Магнитогорске).

Главное внимание комиссии ОГПУ будет направлено на изыскание на месте возможностей по улучшению снабжения, строительства и хозяйствования спецпереселенцев, всестороннее изучение их положения и личного состава адм. и хоз. аппаратов, на своевременное сигнализирование о положении спецпереселенцев в отдаленных участках и на политико-чекистское обслуживание спецпереселенцев.

Подробную информацию буду давать регулярно спецдокладными записками.

В ближайшие дни высылаю обстоятельный обзор, основанный на изучении фактического материала.

ПП ОГПУ по Уралу оказывает комиссии ОГПУ всемерное содействие.

Н. Демиденко

28/У1-31 г.

гор. Свердловск.

На л. 41 вверху слева написано от руки: «Помнач. ОО ОГПУ тов. Николаеву». Под машинописным грифом секретности (вверху справа) проставлено штампом «4 экз.».

Источник: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 538. Л. 41-46. Машинописный подлинник, подпись - автограф. Опубликовано: Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930—1940 гг. Книга II. М.2006.